

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-496-505

«МОРЕ РОССИЯ» (РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ИДЕЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ)

С.Г. Ильинская

Сектор истории политической философии
ФГБУН «Институт философии Российской академии наук»
ул. Гончарная, 12, стр.1, Москва, Россия, 109240

В своей статье автор как альтернативу сформулированной В.Л. Цымбурским историософской и геополитической концепции России как Острова предлагает иную цивилизационно-культурологическую метафору, на его взгляд, более адекватную российской истории и культуре, тем самым вырываясь из понятийного ряда доминирующих в геополитике национальных школ, однозначно ассоциирующих Россию с Сушей, деконструируя целый ряд враждебных ей геополитических концепций. Предложенная метафора подчеркивает как специфичность, «особость», уникальность российской культуры, так и связь ее с «океаном мировой цивилизации». Ее использование позволяет сформулировать «русскую идею» с учетом тех вызовов глобализации, которые на сегодня угрожают российскому государству и русской культуре, а также по-иному трактовать территориальные потери на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: геополитика, российская культура, российская идентичность, толерантность

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ РАКУРС

Прежде чем приступить к изложению собственно концепции, необходимо сказать несколько слов о сотворении геополитической реальности. Можно считать геополитику «лысенковщиной» [7. С. 61], а не наукой, однако сложно оспорить тот факт, что «геополитические мечтания» [4. С. 82] все чаще изменяют политическую реальность. Ибо однажды открытые и вовлеченные в репертуар геополитические «паттерны („хартленд“, „римленд“, „дуги нестабильности“, „разломы между цивилизациями“ и т.п.) обретают собственное виртуальное бытие, способность в подходящий для них момент актуализироваться и вдохновлять политиков и идеологов» [11].

В данной статье мы не будем подробно останавливаться на том, что же такое геополитика и какова ее российская специфика, полагая, что данный вопрос достаточно подробно был освещен в свое время в статье В.Л. Цымбурского «Геополитика как мировидение и род занятий». Мы лишь в качестве альтернативы сформулированной Цымбурским историософской и геополитической концепции России как Острова предложим свою цивилизационно-культурологическую метафору, на наш взгляд, более адекватную текущей политической ситуации, а также российской истории и культуре.

Рассмотрение России не как острова, а как уникального внутреннего озера-моря (вроде Каспийского или Аральского), дает нам ряд преимуществ. Во-первых,

таким образом мы вырываемся из понятийного ряда доминирующих в геополитике национальных школ, однозначно ассоциирующих Россию с Сушей, деконструируя целый ряд враждебных ей геополитических концепций (от Хартленда, Внутреннего и Внешнего Полумесяцев Хэлфорда Маккиндера до политики сдерживания Николаса Спайкмена). Во-вторых, аналогия воды позволяет метафорически привлечь в концепцию дополнительное качество «текучести», некую цивилизационную субстанцию (российскую культуру), способную проникать и заполнять собою прилегающее пространство. В-третьих, почему, собственно, Море? Причем не просто море, а озеро-море. Такая метафора подчеркивает как специфичность, «особость», уникальность российской культуры, так и связь ее с «океаном мировой цивилизации». Даже внутреннее море в исторической перспективе «дышит», т.е. может временами мелеть, а может и расширяться. Вот почему действия «Русского мира» по сохранению и расширению пространства русской культуры представляются нам верно сформулированной задачей.

ИСТОРИКО-ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

Восточный мир (китайская, арабская, индийская цивилизации) имеет свои геополитические паттерны, которые по ряду оснований оставлены за пределами данной статьи. Ключевые из них: китайские и индийские конструкты, в отличие от западных, не доминируют в глобальном масштабе, а арабо-мусульманские (обладающие глобальными претензиями) — не заимствуются отечественным обществознанием на государственном уровне в течение последних 30 лет вкупе с общим набором социально-политических разработок.

Господствующая американская школа геополитики опирается на англосаксонско-протестантскую (с включением норманнского и венецианско-иудейского компонента) культурную основу, существенно отличающуюся от отечественной руссо-финно-угорско-православной с тюрко-мусульманским влиянием.

Исторически первый тип формировался, осваивая новые земли весьма специфическим образом, в ходе которого превалировала тактика «выжженной земли». В процессе колонизации англо-саксонскими племенами Британских островов были уничтожены бритты — коренные кельтские жители. Экспансия викингов, а затем и норманнское завоевание Англии имело те же последствия, только масштабы погибшего населения оказались ниже. Самоистребление высшей элиты в ходе войны Алой и Белой Розы открыло небывалые по тем временам каналы вертикальной мобильности для ее рекрутирования из мелкопоместного дворянства (джентри) и даже торгового сословия. В результате этого процесса на вооружение берутся такие иудео-венецианские практики [3], которые позволили Англии потеснить Нидерланды и стать «владычицей морей», а позднейшим геополитическим концепциям однозначно классифицировать англо-саксонско-протестантскую цивилизацию как «Цивилизацию Моря». В процессе колонизации Нового Света, когда были практически полностью истреблены североамериканские индейцы и аборигены Австралии, приравнены к «черному дереву» африканцы, ввозимые на Американский континент в качестве рабов, тактика «выжженной земли»

наследуется США, которые после Второй мировой войны начинают лидировать на морских пространствах. А данную цивилизацию теперь принято называть атлантической (атлантистской).

В отличие от Британской империи Российская расширилась принципиально иначе. «Море» российской культуры питалось «ручейками» и «реками» культур малых народов. В освоении земель превалировала тактика «присоединенной земли» и включающей культуры, преимущественно мирное освоение и дружественное отношение к коренным этносам (особенно в Сибири). Это не значит, что в процессе расширения Российской империи не приходилось воевать, однако тотального истребления коренного населения осваиваемых земель старались избежать, поскольку инородцев воспринимали в качестве людей, признавая к тому же за ними право сохранения традиций и верований (будь то буддизм, ислам или язычество).

Вынужденный характер приграничных войн был продиктован тем, что русские земли по большей части их периметра были окружены кочевыми и горскими племенами, имевшими принципиально иную культуру хозяйствования. Необходимость отражения и прекращения грабительских набегов диктовала стратегию укрепления государства, тактику строительства крепостей, заставляла воевать в Крыму, на Кавказе, в Средней Азии.

Несмотря на то, что политика русификации и христианизации время от времени проводилась, все этнические группы, включенные в Российскую империю, сохранили свою обрядность и религию, приумножили численность. В армии новобранцев приводили к присяге не только попы, но и муллы, ламы, даже шаманы.

В Финляндии институты будущей государственности сформировались и укрепились именно в тот период, когда она находилась в составе Российской империи. То же можно сказать и о бывших советских республиках — в настоящее время суверенных государствах.

В конце 1990-х — начале 2000-х годов, когда уже были ясны первые результаты третьей волны демократизации [10], в компаративных политических исследованиях стала интенсивно развиваться тема политической культуры. Именно ею объясняли, почему в различных странах институты демократии и парламентаризма укоренились с определенными особенностями. Большую популярность получили исследования политических систем молодых демократий Африканского континента, Латинской Америки. Культурные традиции ложились в основу объяснительных моделей Хуана Линца, Джованни Сартори, Сеймура Липсета и многих других авторов, обосновывающих в дискуссиях на страницах *Journal of Democracy*, почему в одних государствах сформировалась парламентская, а в других — президентская демократия. Татьяна Ворожейкина много писала тогда об особенностях гражданских институтов латиноамериканских стран, в основе которых лежали католические корни [1].

Однако религиозный фактор был также одним из важнейших в отношении к коренному населению колонизируемых земель еще в период их освоения. Католики, протестанты и православные в своих контактах с аборигенами демонстриро-

вали принципиально различные стратегии взаимодействия. При всех жестокостях португальских и испанских конквистадоров они считали индейцев людьми и брали индианок в жены. Активно развернувшаяся после колонизации миссионерская деятельность католических священников привела к тому, что степень истребления коренного населения в Центральной и Южной Америке была существенно ниже, нежели в Северной. В итоге (в отличие от США и даже Канады) здесь сформировался весьма пестрый этно-расовый состав населения.

Ответ на вопрос: почему католическая традиция в принципе признавала за туземцами право на то, чтобы считаться людьми, и активно осуществляла миссионерскую деятельность, а протестантская занималась планомерным уничтожением, — заключается в том, как в эсхатологии каждой из традиций видится спасение (коллективно или индивидуально). Реформация привела к революционным сдвигам в сознании, именуемым процессом «индивидуализации веры» [2], что в целом было весьма прогрессивно для развития капиталистических отношений, однако определенным образом сказалось на восприятии Другого.

Отношение протестантских переселенцев к коренному населению Северной Америки наилучшим образом иллюстрирует рассуждение Дэвида Юма в работе «Исследования о принципах морали». В главе 3 «О справедливости» Юм, рассматривая категорию справедливости совокупно с появлением собственности, утверждает, что изобилие делает справедливость бесполезной: «Зачем называть этот предмет моим, когда, если им завладевает кто-нибудь другой, мне стоит лишь протянуть руку, чтобы самому овладеть равноценным предметом?» [14. С. 224—225]. Затем он ставит вопрос о том, должны ли люди ограничивать «справедливостью» свои аппетиты в отношении земель других «сущест, которые, будучи мыслящими», обладают, однако, «столь незначительной духовной и телесной силой», что «не способны оказать какое-либо сопротивление» [14. С. 231]. «И так как проявление такого могущества... не приводит ни к каким неудобствам, то сдерживающие начала справедливости и собственности, будучи совершенно бесполезными, никогда не имели бы места... Величайшее превосходство цивилизованных *европейцев* над дикими *индейцами* вводит нас в искушение вообразить себя в том же самом положении по отношению к ним [как к животным — примеч. С.И., курсив Д.Ю.] и избавиться от всех сдерживающих начал справедливости и даже человеколюбия в обращении с ними» [14. С. 232].

Итак, Юм дает отрицательный ответ на поставленный им вопрос: «это было бы абсолютное господство, с одной стороны, и абсолютное повиновение — с другой» [14. С. 232], — поскольку в его «коммунитаристской» теории справедливость не существует как «универсальное» абстрактное понятие, а является только «нашей» традицией, не распространяемой на «других», к ней не принадлежащих.

Русско-православная традиция (в отличие не только от англо-шотландско-протестантской, но и от католической) всегда признавала за туземцами право на «их» земли, поскольку имела иное мировосприятие. Разрыв отношений Рима и Константинополя в 1054 году был неслучаен и имел в своей основе множество обрядовых, догматических и этических разногласий, но не это главное. Раскол

христианства на Западное и Восточное обусловил жесткое требование подчинения со стороны первого. Впоследствии две разные логики религиозного сознания, развиваясь обособленно, породили два принципиально отличных типа восприятия Другого и взаимоотношений с Ним. Если Папа Римский был заместителем Бога на Земле (что для православного сознания было немыслимо), то Патриарх Константинопольский считался лишь первым среди равных церковных иерархов.

Надо сказать, что основания не признавать примат Рима у Византии были. Когда в V веке варварские племена, создавшие впоследствии современную западноевропейскую цивилизацию и культуру, разгромили ослабевший Рим, Византия на протяжении восьми столетий оставалась единственной прямой наследницей античной культуры, пока в 1204 году в нее не вторглись далекие потомки тех самых варваров — крестоносцы. Отличительным свойством западноевропейской культуры является восприятие иных — даже самых высокоразвитых цивилизаций планеты — как объектов приложения своих сил, не обладающих собственной безусловной ценностью. Это присуще и «среднему» человеку Запада, и крупнейшим его мыслителям [6. С. 46—47]. С одной стороны, данное свойство помогло западноевропейской культуре сыграть грандиозную роль в истории человечества, с другой — западный отказ в признании всемирно-исторической ценности Другого особенно ярко проявляется в отношении истории Византийской империи и ее наследницы — России. По мнению Вадима Кожинова, объясняется это достаточно просто: «Византия была единственной прямой соперницей Запада», опережала Запад, «развертывала свое самостоятельное, своеобразное культурное творчество» [6. С. 49], в котором не было ничего подобного средневековой инквизиции или гонениям на иудеев. Отчасти это объясняется сложившимся в Византии единством церкви и государства, которое Кожинов определил как «идеократическое» (имея в виду власть православных идей), тогда как более рационально устроенные государства Западной Европы он назвал термином «номократия» (имея в виду власть закона) [6. С. 52].

Другой причиной более высокой терпимости внутри самой Византии и одновременно — ее неприятия Западом является ее евразийская сущность. В доказательство данного тезиса историк говорит об имманентном расизме даже самых гуманистических идеологов Запада, а также приводит тот факт, что любой человек, исповедующий православие, мог занять в Византийской империи самый высокий пост: «так, император Лев III Великий (VIII век) был сирийцем, Роман I Лакапин (X век) — армянином, а патриарх Константинопольский Филофей (XIV век) — евреем» [6. С. 55]. «Россия, подобно Византии, сложилась и как *евразийское*, и как *идеократическое* государство» (курсив В.К.) [6. С. 58], чем также «заслужила» западное непонимание и неприятие.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПОДОПЛЕКА

Подобные утверждения выглядят на первый взгляд странными, т.к. современный Запад принято считать торжеством толерантности и политкорректности. Однако авторская позиция проясняется, если принять во внимание тот вывод,

к которому я пришла более 10 лет назад, анализируя западные теории толерантности (Локка, Канта и Милля): все они были сформулированы вынужденно, когда не стало возможности далее игнорировать и подавлять Другого, и получили практическое применение в отношении тех Других, которые уже перестали быть угрозой в военном или политическом отношении. Сначала вопрос пытаются решить радикально, путем физического истребления Других, представляющих опасность или имеющих потенциал конкурировать. Именно этим, кстати, объясняется нетерпимость к «сильной» России (слабую просто игнорируют).

Последовательно рассматривая возникшие на Западе теории толерантности, я сделала вывод, что любая европейская версия терпимости, на чем бы она ни основывалась: нецелесообразности вмешательства в частную сферу (терпимость Локка достигается разделением публичной и частной ипостасей), правах человека (терпимость Канта достигается соблюдением неотчуждаемых индивидуальных прав) или автономии индивида (терпимость Дж. Ст. Милля достигается устранением подавления внутри гражданского общества), имеет серьезные ограничения для тех, на кого она распространяется [5. С. 41]. Новые модели формулируют путем установления или смещения границ толерантности (в каждом случае есть свои исключения, на которых терпимость не распространяется).

В концепции Локка это атеисты, паписты и магометане (а также любые нетерпимые, в чьем мировоззрении прочно утвердились опасные для государства убеждения) [5. С. 22]. Терпимость в интерпретации Канта (помимо очевидных достоинств) ставит под вопрос любое многообразие, навязывая «естественные» права тем, для кого они могут стать тяжким бременем, и не распространяется на нереспубликанские государства. Та логика, в которой сейчас осуществляется либеральная демократизация мира — кантовская логика, делающая невозможным признание любой неправовой (не либерально-правовой) власти [5. С. 54—55]. Поборник свободы Джон Стюарт Милль оправдывал ведущий к прогрессу патерналистский деспотизм в отношении «варварских» народов [5. С. 71—72]. Условием защиты прав одной группы в каждом случае является ограничение или уничтожение прав другой.

В то время как в православно-христианской теории толерантности Вл. Соловьева, основанной на его концепции всеединства, терпимость постулируется, исходя из общности происхождения людей, и направлена на исполнение каждым народом данного ему религиозно-нравственного закона: единство в многообразии! Современное переосмысление его идей, в том числе понимания нации как этапа, ступени развития в направлении к общечеловеческому и универсальному, позволяет переключиться с этнокультурного антагонизма и конфронтации, борьбы за обретение политического суверенитета на развитие каждым народом собственной культуры [5. С. 196—197].

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОТВЕТ

В 1990-е годы в российской политологии появился яркий автор, которому, по выражению Б.В. Межуева, «как ни одному другому мыслителю современной России удалось совместить прагматический реализм во внешней политике с цивили-

лизационной политикой идентичности». Его теория позволила обрести российскому бытию новый смысл, поскольку объясняла, «почему Россия может принять существующие границы своего государства, не думая ни про имперский реванш, ни про националистическую ирреденту, но почему в то же время Россия должна всеми силами препятствовать полному взятию лимитрофных территорий под контроль структурами Евро-Атлантики» [8].

Если крайне упрощенно сформулировать суть разногласий между двумя геополитическими концепциями, возникшими практически одновременно: Сэмюэля Хантингтона и Вадима Цымбурского, то она заключается в следующем. С точки зрения Хантингтона относительно мирное сосуществование цивилизаций возможно лишь тогда, когда они будут занимать свои традиционные географические ареалы [9]. Цымбурский же настаивал на том, что всегда будут лимитрофные территории, переходящие из-под влияния одной цивилизации под влияние другой, выполняющие роль «проливов» или даже «континентального шельфа» [12]. Его вариант цивилизационной геополитики включал: различение для каждой цивилизации этнического и геополитического ядра и периферии; тезис об отсутствии непреходимых границ между перифериями соседних цивилизаций; ставку на консолидацию и развитие цивилизационного ядра [13. С. 940]. Проблема же, однако, заключалась в том, что атлантическая цивилизация имеет агрессивный характер и перманентно стремится к расширению. Ее проникновение в арабо-мусульманский ареал в ходе «Арабской весны» 2011 года породило такое количество непредсказуемых последствий (в том числе наплыв в Европу мигрантов из стран Ближнего и Среднего Востока), что вызвало утрату актуальности многих классических геополитических концепций.

Конечно, мощный флот, включающий современные авианосцы, имеет и поныне большое значение как фактор глобального могущества. Однако высокий уровень человеческой мобильности, сетевой характер, неопределимость и множественность структур идентичности, плотная техническая и электронная оснащенность, цивилизационный антагонизм и культурная мозаичность, другие особенности мира сегодняшнего привели к появлению новых угроз, создаваемых и реализуемых малыми силами и возможностями.

Концепция «Русского мира» только начала формироваться, когда ушел из жизни Вадим Цымбурский, вот почему, возможно, он не успел прореагировать на нее в своих работах. Данный идентификационный конструкт имеет ряд достоинств, как мне кажется, до сих пор не в полной мере оцененных. Это, во-первых, его гибкость и неформальный характер и, как следствие, способность легко проникать через государственные границы, что роднит данный идеологический продукт с такими современными сетевыми феноменами, как международная диаспора (китайская, армянская, еврейская и т.д.). Во-вторых, это культурно-языковой способ солидарности, исключая жесткую привязку к этничности, выгодно отличающий также, например, мусульманскую умму. В-третьих, одномоментная «всемирность» и укорененность данного вида самоидентификации в русской традиции и культуре.

Дополнение концепта «Русский мир» геополитической метафорой «Море Россия» позволяет осмыслить «русскую идею» с учетом тех вызовов глобализации, которые на сегодня угрожают российскому государству и русской культуре, а также по-иному трактовать территориальные потери последних 30 лет на постсоветском пространстве. Поскольку российская цивилизация обладает толерантностью иного характера, нежели западная, и является уникальной в этом своем качестве, то те культурно-государственные субъекты постсоветского пространства, которые хотят сохранения своей идентичности, в перспективе обречены на возвращение в «Русский мир», в ходе очередного повышения уровня «Моря Россия».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Ворожейкина Т.Е.* Специфика гражданского общества в Аргентине // МЭиМО. 1996. № 6. С. 97—106.
- [2] *Глинчикова А.Г.* Раскол или срыв «русской Реформации»? М.: Культурная революция, 2008. 384 с.
- [3] *Делягин М.* Правила богатства: истреби аристократию, уничтожь крестьянство и создай банк. Факторы британского превосходства. Режим доступа: <http://delyagin.ru/articles/187-pozitsija/59601-factory-britanskogo-prevoskhodstva>. Дата обращения: 24.09.2018.
- [4] *Ильин М.В.* Этапы становления внутренней геополитики России и Украины // Полис. Политические исследования. 1998. № 3. С. 82—94.
- [5] *Ильинская С.Г.* Толерантность как принцип политического действия: история, теория, практика. М.: Праксис, 2007. 288 с.
- [6] *Кожин В.В.* От Византии до Орды: история Руси и русского слова. М.: Эксмо; Алгоритм, 2011. 560 с.
- [7] *Косолапов Н.А.* Геополитика как теория и диагноз (метаморфозы геополитики в России) // Бизнес и политика. 1995. № 5. С. 57—61.
- [8] *Межуев Б.В.* «Остров Россия» и российская политика идентичности: неусвоенные уроки Вадима Цымбурского // Россия в глобальной политике. 2017. № 2. Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/number/Ostrov-Rossiya-i-rossiiskaya-politika-identichnosti-18657>. Дата обращения: 24.09.2018.
- [9] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций // Геополитика: Антология. М.: Академический проект; Культура, 2006. С. 591—627.
- [10] *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. 368 с.
- [11] *Цымбурский В.Л.* Геополитика как мировидение и род занятий // Полис. Политические исследования. 1999. № 4. С. 7—28.
- [12] *Цымбурский В.Л.* Народы между цивилизациями // Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы 1993—2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 212—238.
- [13] *Цымбурский В.Л.* Россия — Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика // Геополитика: Антология. М.: Академический проект; Культура, 2006. С. 935—966.
- [14] *Юм Д.* Исследование о принципах морали // Юм Д. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1965. 928 с.

THE SEA OF RUSSIAN CULTURE (RUSSIAN IDENTITY AND THE CONCEPT OF TOLERANCE)

S.G. Ilinskaya

The Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
Goncharnaya str., 12, Moscow, Russian Federation, 109240

Abstract. As an alternative to V.L. Tsymbursky's historic-philosophical and geopolitical concept of "Russia as an Island", the author suggests her own cultural metaphor that is more adequate to Russian history and civilization. While in leading national geopolitical schools, Russia is associated with Land, the author puts forward a new concept comparing Russia to Sea, thus deconstructing a number of opposing geopolitical ideas. The proposed metaphor underlines both the specificity, "singularity", and uniqueness of Russian culture and its association with the «ocean of world civilization». This metaphor helps formulate a "Russian idea" in the light of new global challenges that threaten the Russian state and Russian culture today. It also helps to get a better insight into the geographical losses on the Post-Soviet territory.

Key words: geopolitics, Russian culture, Russian identity, tolerance

REFERENCES

- [1] Vorozheikina T.E. Specificity of civil society in Argentina. *Global economy and international relations*. 1996; 6: 97—106 (In Russ.).
- [2] Glinchikova A.G. *Raskol ili sryv «russkoj Reformacii»?* [The Split or Breakdown of "Russian Reformation"?]. Moscow: Kul'turnaya revolyuciya; 2008. 384 p. (In Russ.).
- [3] Deliagin M. *Pravila bogatstva: istrebi aristokraciyu, unichtozh' krest'yanstvo i sozdaj bank. Faktory britanskogo prevoskhodstva* [The Rules of Wealth: Exterminate the Upper Class, Annihilate the Peasants, and Establish your Own Bank. Factors of British Superiority]. Available from: <http://delyagin.ru/articles/187-pozitsija/59601-factory-britanskogo-prevoskhodstva>. Accessed: 24.09.2018 (In Russ.).
- [4] Il'in M.V. Etapy stanovleniya vnutrennej geopolitiki Rossii i Ukrainy [Stages of Evolution of Internal Geopolitics of Russia and Ukraine]. *Political studies*. 1998; 3: 82—94 (In Russ.).
- [5] Ilinskaya S.G. *Tolerantnost' kak princip politicheskogo dejstviya: istoriya, teoriya, praktika* [Tolerance as a Principle of Political Action: History, Theory, Practice]. Moscow: Praxis; 2007. 288 p. (In Russ.).
- [6] Kozhinov V.V. *Ot Vizantii do Ordya: istoriya Rusi i russkogo slova* [From Byzantium to the Horde: History of Ancient Rus and Russian Vocabulary]. Moscow: Eksmo; Algoritm; 2011. 560 p. (In Russ.).
- [7] Kosolapov N.A. Geopolitika kak teoriya i diagnoz (metamorfozy geopolitiki v Rossii) [Geopolitics as a Theory and Diagnosis (Metamorphoses of Geopolitics in Russia)]. *Business and politics*. 1995; 5: 57—61 (In Russ.).
- [8] Mezhuiev B.V. «Ostrov Rossiya» i rossijskaya politika identichnosti: neusvoennye uroki Vadima Tymburskogo ["Russia as an Island" and Russian Identity Policy: Unlearned Lessons of Vadim Tsymbursky]. *Russia in global politics*. 2017; 2. Available from: <http://globalaffairs.ru/number/Ostrov-Rossija-i-rossijskaya-politika-identichnosti-18657>. Accessed: 24.09.2018 (In Russ.).
- [9] Huntington S. Stolknovenie civilizacij. *Geopolitika: Antologiya* [The Clash of Civilizations. *Geopolitics: Anthology*]. Moscow: Akademicheskij projekt; Kul'tura; 2006: 591—627 (In Russ.).
- [10] Huntington S. *Tret'ia volna. Demokratizaciya v konce XX veka* [The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century]. Moscow: ROSSPEN; 2003. 368 p. (In Russ.).
- [11] Tsymburskii V.L. Geopolitika kak mirovidenie i rod zanyatij [Geopolitics as a World View and Occupation]. *Political studies*. 1999; 4: 7—28 (In Russ.).

- [12] Tsymburskii V.L. *Narody mezhdru civilizacijami. Ostrov Rossiya: Geopoliticheskie i hronopoliticheskie raboty 1993—2006* [Peoples between Civilizations. Russia as an Island: Geopolitical and Chronopolitical works, 1993—2006]. Moscow: ROSSPEN; 2007: 212—238 (In Russ.).
- [13] Tsymburskii V.L. *Rossija — Zemlja za Velikim Limitrofom: civilizacija i eyo geopolitika. Geopolitika: Antologija* [Russia, a Land Behind the Great Limitrophe: Civilization and Geopolitics. *Geopolitics: Anthology*]. Moscow: Akademicheskij proekt; Kul'tura; 2006: 935—966 (In Russ.).
- [14] Hume D. *Issledovanie o principah morali. Sochineniya*. [An Enquiry Concerning the Principles of Morals. *Selected Works*]. Moscow: Mysl'; 1965: Vol. 2 (In Russ.).

Сведения об авторе:

Ильинская Светлана Геннадьевна — кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора истории политической философии ФГБУН «Институт философии Российской академии наук» (ORCID ID: 0000-0002-7402-5265) (e-mail: svetlana_ilinska@mail.ru).

Information about the author:

Ilinskaya Svetlana Gennadievna — PhD, Senior Research Fellow of the Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-7402-5265) (e-mail: svetlana_ilinska@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 22.03.2018.

Received 22.03.2018.